

Александр САВЧЕНКО

МЫ ВСЕ В ОДНОЙ ЖИЗНИ

Начало сентября 1978 года... Очередная командировка в Донбасс. Всесоюзный семинар на базе Донецкого металлургического завода проводит украинское предприятие «ВНИПИЧерметэнергоочистка».

Донецк. Здесь благостное место и такое же время года... Этот город всегда отличался приветливостью, обилием цветов (не зря называли городом миллиона роз!), раскидистыми каштанами и красивыми девушками. Утром на самолёте до Москвы, а уже после обеда – в аэропорту, расположенном почти в черте Донецка...

В отличие от предыдущих приездов, когда с трудом приходилось добывать любое койко-место, на этот раз всё было обставлено чинно и благородно: в гостинице «Донбасс» прибывших со всей страны гостей ожидали забронированные места... Три дня – это не хухры-мухры. Знаменитый и в то время самый главный водоснабженец с КМК Иван Михайлович Ушаков знакомит меня со своими старыми друзьями. Что ни фамилия – настоящее светило: то знаменитый изобретатель, то высокооценённый учёный, то автор учебника или популярной книги. Шабалин, Вахлер, Пантелят, Клименко, Мороз, Галкин...

В первый же вечер тороплюсь на проспект Пушкина, 25. Это в центре города. Угловой пятиэтажный дом, построенный после войны около территории бывшего кирпичного завода.

Вот и хозяйка квартиры. Представляюсь. Передаю сибирский презент от моей коллеги по Сибгипромезу. Людмила Тимофеевна Люленкова, тогда старший инженер строительного отдела, выпускница Ростовского инженерно-строительного института, послала своим родителям кедровые орешки из нового урожая и какую-то вкуснятину, закатанную в стеклянную баночку. Приятная и радостная для родителей весточка. Рука, протянутая через тысячи километров...

Стоять у входной двери долго не пришлось, хозяйка меня не отпускают. Просят пройти в просторный

зал. И вскоре на столе появляется обильное для Сибири угощение. Тимофей Иванович, высокий и плотный мужчина со смуглым лицом и узковыми азиатскими глазами, сидит напротив меня. У него внимательный, испытующий взгляд, говорит слаженно, деловито. Много слушает, но больше спрашивает о Новокузнецке. О новом городском строительстве, о транспорте, о том, сколько на улице зелени...

– Знал, знал те места... Многое с ними связано... – И умолкает. Но тут же вроде как отряхивается и с вопросом ко мне: – Как там Томь? Не зашугивает с началом холодов казёмковский водозабор?

Я, как специалист в этом деле, понимаю его любознательность. Отвечаю, что больше половины завода переведено с прямотока на обратное водоснабжение. Так что даже при временном перебое на водозаборе завод не остановится... Да и деревянные магистральные водоводы диаметром в метр меняют на металлические. А то кое-где клёпаные трубы лежат прямо на поверхности земли. Летом в них пацанва пытается сверлить дырки, чтоб охладиться под животворящей струей. Охрана завода не успевает гонять малолетних проказников...

– Оно так и должно быть... В наши времена могло быть намного хуже...

И опять хмуро умолкает.

У доброжелательной хозяйки квартиры Елены Петровны светятся радостью глаза. Она то хлопочет около стола, то убегает на кухню и вскоре снова появляется, стараясь не упустить сути нашего разговора.

Спрашивает, зная наперёд мой ответ:

– Как там у Людочки горло?

– Ну что ты, Лена! Взрослая она давно... У самой вон какая красавица вымахала! – Супруг показал взором на фотографию, что была приткнута к углу зеркала, – видимо, внучка...

Тимофей Иванович Шкляр

Елена Петровна выставляет из холодильника домашние запасы. У нас в Сибири такого нет. На столе гора фруктов. Муж достаёт из серванта три бокала и хрустальный графин.

Незаметно в разговорах пролетело часа полтора. За это время переходили с одного на другое, но больше слов было о чёрной металлургии. Чувствовалось, что хозяин находится в курсе всех новшеств в этой отрасли, деловито делая замечания, и с радостью делится успехами Донецкого металлургического завода, где, как сказал он, значится начальником производственного отдела и одновременно заместителем главного инженера предприятия.

Но сколько ни сиди... В руках ответный подарок для дочери и внучки Оли. И на прощание приветы Сибири, Кузнецку и крепкое рукопожатие хозяина. Ладонь шершавая, широкая, жилистая. Не как у простого городского обывателя...

Только через долгое время я узнал, что был тогда в гостях у одного из первых директоров Кузметкомбината, точнее, у третьего – после Франкфурта и Бутенко. У самого товарища Шкляра.

Нынешняя историческая публицистика почему-то полужёпотом и мало говорит о времени его директорства. Попробуйте найдите в интернете материал о Тимофее Шкляре... Почти одна пустота. Будто не было на свете такого заметного человека. В «Википедии», правда, о нём упоминается. Но, опять же, вскользь, указаны только даты жизни бывшего директора комбината: 1906–1983 гг.

А вот дословная выдержка из одного современного исследования:

«Расстрелян директор КМК профессиональный металлург К. И. Бутенко. Несмотря на весь социально-бытовой ад, вал доносов и маразматическую борьбу со «шпионами, террористами и подрывным элементом», завод продолжал работать и развиваться. В 1939 г. местные инженеры изобрели и запустили в производство машину непрерывного литья заготовки – одну из первых в мире. Во время Великой Отечественной войны директором комбината был Роман Васильевич Белан».

Весьма кратко и даже кое в чём непонятно... А ведь между Бутенко и Беланом был ещё один директор!

В четвёртом номере «Огней Кузбасса» за 2018 год, в статье «Твёрдый сплав», известный журналист Григорий Шалакин пишет:

«Остаются малоизученными отдельные страницы истории Новокузнецка, связанные с необоснованными политическими репрессиями, хотя реабилитация невинно осуждённых идёт с 1953 года. Не-

известно, по какой причине ушла в тень жизнь Тимофея Ивановича Шкляра, который в 1938–1939 годах был директором КМК, а потом арестован и осуждён на десять лет. Мне довелось держать в руках, листать и читать его дело с резолюцией Лаврентия Павловича Берии. Это было в 1991 году, когда архивы вдруг распахнули двери. Я сосредотачивался на ответах директора на задаваемые вопросы. Отчетливо помню: никакой политической подоплёки в своих действиях он не видел и настойчиво доказывал это.

Что касается производства, то при нём на КМК действительно не всё ладилось. Были технологические срывы, аварии, нестыковки во взаимодействии сталеплавильного и прокатного переделов. Но при Шкляре заводчане сказали новое слово в мировой металлургии, создав прообраз машины непрерывного литья заготовок, которая была внедрена только в 1990-х годах во время директорства Героя Социалистического Труда Алексея Фёдоровича Кузнецова».

Всё верно. Известно и большее. В городе одновременно с технологическими объектами завода развивалась социальная сфера. Был введён в эксплуатацию пятиэтажный жилой дом на улице Кирова, 18, построены или достраивались универмаг, родильный дом. Набирали производственную силу специалисты завода, ставшие потом не только костяком комбината, но и трудовой гордостью страны. В частности, показал свои технические и руководящие способности мастер сталеплавильного производства Леонид Сергеевич Климасенко, будущий директор Запсиба. Он начинал работать под непосредственным началом Т. И. Шкляра. В то время на заводе безусловным авторитетом был главный инженер Кузнецкстроя Иван Павлович Бардин. «Академик в полушубке», как звали Бардина, видимо, давно приметил способности Климасенко и в 1935 году посодействовал его переходу с должности директора ФЗУ в мартеновский цех, для начала подручным сталевара. А там в это время командовал Тимофей Шкляр... Надо полагать, не случайна встреча двух прирождённых металлургов-организаторов с пытливым умом, неутомимой энергией и огромным запасом теоретических знаний.

Именно при Шкляре в мартеновском производстве КМК (тогда завода) зародилась плеяда талантливых сталеваров, а М. В. Бурцаккому, И. Г. Могилицеву и М. М. Привалову неслучайно впоследствии было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

110

Вспоминается случай из прошлой жизни. В семидесятых начальником технического отдела Сибгипромеза работал Рудольф Аронович Браунштейн. К стати, отец будущего директора КМК Евгения Браунштейна. Он и мне тогда по возрасту годился в отцы. Но были у нас с ним весьма дружеские отношения. Рудольф Аронович рассказывал, как в ночь с 23 на 24 июня 1941 года на завод позвонил нарком чёрной металлургии Тевосян (это через два года, как исчез Шкляр). Он дал указание рассмотреть возможность выпуска в Сталинске броневой стали для танков. В считаное время завод смог выполнить государственный заказ.

На заводских задворках был сооружён испытательный полигон, где в распоряжении Браунштейна находилась специальная пушка. Там каждодневно гремели выстрелы, на особом стенде расстреливались пробные броневые листы. И вот из практически неприспособленных для этого марте-новских печей вскоре пошёл металл нужного стра-не качества.

Я, помню, поинтересовался у Рудольфа Ароновича:

– И сразу так у вас получилось? Или простое совпадение случайностей?

– Что ты! Наши сталевары имели опыт работы по пять – десять лет. В их головах, как у талантливых поваров, рождались и хранились сотни рецептов получения разных марок стали... А тут выдался случай поломать голову по-настоящему.

Это я к тому, что у истоков производства броневой стали находился в своё время и главный сталеплавильщик Шкляр. Очевидно, на пользу пошёл накопившийся у него и переданный молодому поколе-нию опыт.

...Итак, предыдущий директор Кузметзавода того времени Константин Иванович Бутенко после репрессированного С. М. Франкфурта вёл предприятие «правильным путём», за что был обласкан лично Сталиным. Его в порядке ротации перевели в столицу заместителем наркома, но вскоре объявили «озверелой троцкистской гадиной». В мае 1938 года арестовали, а через два месяца расстреляли. Можно сказать, «повезло» человеку, Франкфурт, например, был расстрелян в день вынесения приговора...

С повышением бывшего директора и отбытием его в столицу по приказу Лазаря Кагановича Шкляр, работавший у Бутенко главным инженером, в январе 1938 года становится директором Кузнецкого металлургического завода. Он в один час оказался самым молодым руководителем в отрасли (за пле-

чами всего 31 год) самого крупного и самого современного предприятия Советского Союза...

Несколько слов отступления. Софья Александровна, жена Бутенко, была неординарной женщиной. Невысокая, с красивым греческим носом, она вызывала восхищение не только у простых мужчин и женщин. Она была организатором женского движения в Сталинске. С ней считался даже первый секретарь краевого комитета партии Роберт Эйхе, к которому она при желании могла свободно попасть для беседы. Фотографии Софьи Александровны появлялись периодически в журналах «Общественница» и «Работница». На одном из съездов женщин СССР её пригласил из зала сам Серго Орджоникидзе и усадил в президиуме между собой и Сталиным... И она запросто задавала вопросы и с улыбочкой отвечала Иосифу Виссарионовичу. Но, как и у многих жен высокого начальства, судьба этой женщины оказалась плачевной.

По прошествии многих лет Софья Александровна вспоминала, как она с мужем ехала на отдых. Перед Омском мужу передали правительственную телеграмму, в которой сообщалось, что Бутенко срочно переводится в Москву. Необходимо было так же незамедлительно сообщить фамилию человека, который может стать его преемником. Софья Александровна была полностью посвящена в дела мужа. Он даже на курорт в Крым посылал ей телеграммы не только с воздушными поцелуями, но и называл показатели рекордных плавок за неделю... После непродолжительного совещания в двухместном купе Бутенко назвал фамилию следующего директора – Шкляр. Причём только Шкляр. Других кандидатур на заводе не было. Высококласный специалист, имеющий правительственные награды, человек самого работоспособного возраста, коммунист, организатор, прошедший суровую школу производства, настоящий психолог, способный найти подход к каждому человеку...

А потом почти на каждой станции до Урала, где останавливался паровоз для заправки водой и углем, в двери купе стучали какие-то люди и совали заспанным пассажирам правительственную телеграмму...

Клерки из Москвы перестраховались и на всякий случай разослали одинаковые телеграммы на все станции, где мог остановиться пассажирский поезд из Сталинска...

Тимофей Иванович родился в 1906 году на Днепропетровщине в семье рабочего и домохозяйки. Семейная фамилия Шкляр имела белорусские корни, в точном переводе значит «стекольщик»

(помните «склянку» или родственную фамилию Скляр?).

Учился Тимофей в земской школе, окончил семилетку. В 1924-м поступил рабочим на завод им. Дзержинского, параллельно учился в Каменском вечернем индустриальном институте.

После окончания вуза в 1928 году был направлен в Сталино (будущий Донецк) на металлургический завод, где начал работу с должности начальника смены, потом стал заместителем начальника и, наконец, начальником мартеновского цеха. В 1933 году с целью повышения квалификации его направили в трёхмесячную командировку на заводы Круппа в Германию (это, кстати, тоже нашему герою потом припомнилось).

В 1921 году Шкляр, как и большинство молодых продвинутых людей того времени, стал комсомольцем, а в 1927 году вступил в ряды ВКП(б). В 1933 году его награждают грамотой Центрального исполнительного комитета СССР за организацию технического обучения молодёжи. В этом же году в день 15-летия ВЛКСМ одним из первых в Донбассе Шкляр получает высшую в стране награду – орден Ленина.

В 1934 году по распоряжению наркома тяжёлой промышленности Серго Орджоникидзе Шкляра направляют в сибирский Кузнецк, где он сначала работал начальником мартеновского цеха, а в июне 1937 года был назначен главным инженером завода. То есть как бы подхватил знамя, которое до него нёс Иван Павлович Бардин.

Это было вдвойне ответственно. Во-первых, сама высокая должность. А во-вторых, Бардин был не просто главным инженером. Он был человеком, который практически построил завод, организовал передовое металлургическое производство, и, наконец, вокруг него сложилась своя инженерная школа. А это расстановка людей, вложенные в них технические идеи, наработанные взаимоотношения.

И Бутенко, и Шкляр уважали человека, который им практически годился в отцы. Отдавали должное его героизму, высокому уму, огромнейшему опыту, его возрасту. Но жизнь есть жизнь. Вечная проблема отцов и детей не исчезала. Неслучайно между Бутенко и Бардиным так и не сложились тёплые дружеские отношения. Шкляр, естественно, не мог стать вторым Бардиным.

Итак, после того как Бутенко уехал на службу в Москву, директором завода стал Тимофей Иванович Шкляр. Металлургическое производство он знал досконально, причём не только в рамках своей специальности. Как человек основательный и от-

ветственный, он каждый свой день проживал внутри всей технологической цепочки, начиная от карьера добычи железной руды и кончая складами отгрузки готовой продукции.

Шкляр первым в городе узнал об аресте Бутенко. Вот как он пересказывал на ближайшем партийном собрании этот памятный и весьма, как оказалось, для него судьбоносный момент: «Я позвонил в Москву, мне сообщили, что Каганович просил предупредить о том, что Бутенко «изъят». В этот же день я сообщил новость Аксёнову, Носову и другим работникам завода... Мне по телефону из Москвы пояснили, что наш бывший директор является врагом народа, это же самое я сообщил нашим людям... Мы с Бутенко были знакомы ещё по Донбассу, он работал там начальником доменного, а я был начальником мартеновского цеха. Когда я в Сибири стал работать начальником мартеновского цеха, а затем главным инженером, мне часто приходилось контактировать с Бутенко, иногда бывать у него на квартире...»

Так, действительно, оно и было. Высшее руководство обитало на Верхней колонии, расселившись внутри «буржуазной» Орлиной улицы. Здесь по факту процветал цивилизованный центр города, где проживали иностранные спецы и самое высокое начальство завода. Асфальтированные дороги с фонарным освещением, роскошные особняки и гостиница с номерами люкс, ванны с душем и горячей водой, бильярдный зал, ресторан с лепниной на стенах и потолках. Начальники, как тогда было принято, жили закрытой кучкой, отдыхая в узком кругу от повседневных нагоняев и пролетарского мата-перемата...

Бутенко считался человеком «голубых кровей», он любил частые командировки в столицу. Уезжал в купейном вагоне на полмесяца, а иногда и больше. Когда был избран в Верховный Совет, то, по существу, отошёл от директорства. Во время пребывания Бутенко в Москве Шкляр руководил работой предприятия и по телефону докладывал о делах практически ежедневно. Старался не своевольничать, поэтому обращался к шефу очень часто и порой срочно... Это тоже стало уличающим фактом против Шкляра. Мол, у директора и его выдвигенца была между собой тесная и тайная связь.

Да, времена конца тридцатых были весьма жестокими. С одной стороны, люди проявляли, так сказать, коммунистическую и революционную принципиальность, с другой стороны, шли на всяческие ухищрения, чтобы избежать репрессий со стороны власти. Шкляр уважал Бутенко, но всё-таки не всег-

112

да следовал его указаниям. Например, он открыто заступился за бузотёра инженера Дульнева, которому Бутенко выражал политическое недоверие и всячески старался выжить не только с завода, но и из города.

Мне в 1967 году, когда я был молодым инженером-проектировщиком Сибгипромеца, ещё удалось застать на комбинате главного энергетика Фёдора Семёновича Дульнева. Бывал у него на совещаниях. По внешности и характеру он представлял неординарную личность, действовавшую в революционном духе... Большая лысая голова (что-то от Котовского), неуживчивый и часто сомневающийся даже в мелочах человек. Но зато какой знаток своего дела! И напористый, порой нахрапистый характер! Видимо, директору Бутенко такие человеческие черты были не нужны...

А совсем недавно при подготовке этой статьи мне пришлось завести случайный разговор с коллегой из существовавшего когда-то в Новокузнецке института «Союзводоканалпроект» Валентиной Дмитриевной Урубковой.

И нарисовалась такая картина. Её мать Александра Николаевна в середине тридцатых приехала в Сталинск из-под Новосибирска. Девушке было 25 лет. Крепкого сельского склада, сильная, волевая дивчина. Но без большого образования. Устроилась на работу на коксохимическое производство. С семьёй получила неблагоустроенное жильё на Верхней колонии, до работы совсем недалеко...

Я видел фотографию Александры Николаевны последних лет её жизни. На груди – пять государственных наград, знак «Слава женщинам-металлургам!». От начала своей деятельности до выхода на пенсию проработала она на коксохиме люковой. Это чисто мужская профессия, требующая силы, выносливости, внимания и осторожности. Причём надо вечно крутиться в грязном и загазованном воздухе, состоящем из сплошных сквозняков и перепадов температуры...

Как-то летом ехал я на электричке в сторону Карлыка. Проезжали мимо коксохимпроизводства Запсиба. В окна вагона проник невыносимо вонючий специфический воздух от КХП. Девочка лет пяти, закрыв щепоткой нос, спросила: «Мама, здесь яды вырабатывают?..»

Это я описываю, чтоб лучше представить жизнь и производство того времени. Так вот Александра Николаевна в давние годы рассказывала дочери, что как-то от усталости и недосыпа опёрлась на черенок лопаты, задумалась и отключилась. Моментально заснула на рабочем месте. И вдруг чудится

ей, что рядом громко лает собака. Она открыла глаза и видит, что перед ней стоит её непосредственный начальник, исходя мотом, что-то кричит и грозно машет руками. Она не успела ответить, как возле неё и орущего мастера оказался высокий мужчина в плаще.

– Скажите, вас кто научил так безобразно разговаривать с женщинами? – спросил он густым голосом.

Мастер растерялся, стал что-то бормотать в своё оправдание... Короче, всё обошлось, но с этой поры он с Урубковой не вступал в прямой диалог, просто чаще обходил свою работницу стороной. А Александре товарищи по работе подсказали, что спас её от беспощадного разноса главный инженер завода Шкляр. Она больше не видела того заводского начальника вблизи, даже не узнала бы в лицо, но запомнила его большие, широкие ладони. Такие руки в их деревне были одни на всю улицу – у местного кузнеца...

Шкляр возглавил завод сразу после Бутенко. Но менее чем через год его директорства последовал арест. Он был взят 5 января 1939 года в Москве, куда на исходе декабря 1938 года прибыл в Наркомат тяжёлой промышленности с отчётом о работе своего предприятия.

К этому времени УНКВД по Новосибирской области (Сталинск тогда был в её составе) уже готовило документы на арест Шкляра. В Сталинске партийная верхушка города тоже готовилась к этому загодя. На пленумах и рядовых заседаниях горкома навязчиво ставились вопросы о неудовлетворительной работе металлургического завода, что якобы стало результатом вредительского руководства предприятием со стороны Франкфурта и Бутенко. Особенно доставалось «ставленникам и приспешникам» последнего директора. Шкляр, конечно, всё это понимал, чувствовал, что камни летят в его огород. Но, принимая всё близко к сердцу, сделать ничего не мог.

Формальным основанием для ареста послужило анонимное заявление, в котором утверждалось, что директор Шкляр возглавляет контрреволюционную работу, подготавливает вооружённое восстание, даёт секретные задания на аварии... Нового, как видите, ничего нет. Интересно только то, что написано было заявление не где-то в Урюпинске, не каким-то малограмотным водовозом или больным на голову типом, а в родном городе, человеком, хорошо знающим металлургическое производство и который наверняка при встрече со Шкляром душевно улыбался и крепко пожимал ему руку...

113

Шкляр знал, что на заводе могут работать люди, в которых не выветрилась злоба на советскую власть. Они в своём большинстве оказались здесь ещё при строительстве завода. Тот же Бардин рассказывал, как тогда были случаи: кто-то зубилом делал насечки на тросах, которые должны быть задействованы на ответственных работах, кто-то подпиливал стойки ограждений или вместо цемента бросал в замес мешок опилок... Есть ещё категория крупных или мелких пакостников. Но все остальные – это ведь нормальные люди!..

В Москве его не пытали и даже особо не допрашивали, а вот в Новосибирске на всякий случай четыре месяца продержали в одиночке. Лишь после этого по месту жительства в Сталинске начались допросы и издевательства. Шкляру вменялись в вину вещи, причастность к которым он как директор имел, но даже в мыслях не допускал каких-то нечестных поступков. Суд не разрешил дать подсудимому объяснения, а строго придерживался официальностей и формализма, затратив на рассмотрение дела всего тридцать минут.

Исход дела был предрешён заранее... Аноним из бывших сослуживцев постарался «доказать», что Шкляр не только вражеский прихвостень, но и мятёрый враг советского народа.

Никакие заявления о невинности подсудимого, а в данном случае «врага народа», во внимание не принимались. Судебной системе тех лет не хватало ещё этого...

Начались изнурительные скитания по лагпунктам Сиблага. Больше всего пришлось Шкляру познать трудности таёжного лесоповала. Это оказалось во сто крат тяжелее нескольких непрерывных вахт у мартеновской печи... Зимой до кровавой синевы мёрзли в дырявых пимах ноги, обёрнутые портянками из рогажи. А летом целый день страдало потное тело, покрытое слепнями и таёжным гнусом. О лагерной «диете», особенно в военное время, не стоит говорить: еды хватало, только чтобы не протянуть ноги. Зато у таёжного лесоповала был один большой плюс: природа во все времена года подкармливала эзков – колбой, папоротником, грибами, кедровой шишкой. Даже глоток берёзового сока или щепоть мороженой калины помогали человеческому организму переносить тяготы жизни.

Как-то на лесоповал в середине лета прибыл высокий гость из краевого центра. Зэки, что были поострее на язык, обратились к нему:

– Гражданин начальник, нам бы вместо кальсон завезли б лучше сатиновые трусы. Мочи нет, июль ведь, изопрели все до костей...

– Ишь ты! Смотри, какое у них архиважное дело! У меня вон дочка второй год в МГУ учится и без трусов ходит... А они тут чего захотели! – осветил майор лагерную братву золотым зубом и добавил: – А то, что паритесь, так дольше проживёте. Запомните: только мёртвые не потеют...

Дома осталась жена с десятилетним сыном Анатолием и двухлетней Люсей. Семья оказалась выброшенной из квартиры, без средств к существованию. Помогла небольшая сумма денег, которую получил хозяин от недавней продажи личной легковушки, подаренной ему государством за большую и добросовестную работу. Тимофей Иванович был неглупым человеком и, видимо, хорошо понимал, что ожидает его и любимую семью в ближайшем будущем. Поэтому старался подстелить соломки...

Елена Петровна кое-как сумела по дешёвке сбыть домашние вещи и с детьми уехала на Украину, ближе к своим родственникам.

С началом войны семья оказалась в оккупации. В Донбассе творился фашистский беспредел. Стоит только сказать, что в упомянутой выше гостинице «Донбасс» немцы разместили южный штаб гестапо, а некоторые улицы и парки превратили в кладбища для своих солдат... Кто не читал «Молодую гвардию» А. Фадеева! Написано почти про тамошние места...

Итак, 2 декабря 1939 года военным трибуналом Сибирского военного округа Тимофей Шкляр был приговорён к 20 годам нахождения в ИТЛ, его лишили ордена Ленина. Правда, через полгода, 16 июня 1940 года, Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев кассационную жалобу Шкляра, меру наказания скостила до 12 лет. Зато вменила обязательное отбытие на спецпоселении в течение пяти последующих лет.

У Тимофея Ивановича начались настоящие хождения по мукам. Он валил, сучковал (обрубал сучья) и грузил лес в Красноярской тайге. Непрерывная работа по 10, а то и по 12–16 часов в сутки! И хоть с молодости были крепкие мозолистые руки, не раз приходилось быть на грани жизни и смерти. Однако всегда помогали счастливые случаи, стойкость и терпение Шкляра.

Два года назад в газете «Вечерний Донецк» появился материал, в котором рассказывалось, как однажды обессиленного зэка Шкляра подхватил и донёс до барака парень. Этого парня, оказываясь, на свой страх и риск в Сталинске принял на работу лично главный инженер метзавода. Тогда парень только что вышел из заключения и ему в горо-

де всюду отказывали в работе. И вот в местах не столь отдалённых два человека снова случайно встретились...

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 июля 1955 года Тимофей Шкляр был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Как показала проверка, предъявленное обвинение было сфабриковано путём грубой подтасовки действительно имевших место на комбинате событий и аварий, несчастных случаев, брака при выплавке спецсталей и т. п. Всё это было наворочено в одну кучу и вменялось в вину Шкляру как результат его обширной вредительской деятельности.

Но ни на следствии, ни в суде Шкляр себя виновным не признал. Было установлено, что он ни в какой контрреволюционной организации не состоял (теперь уже стопроцентно известно: таковой в Сталинске просто никогда не существовало) и, следовательно, не мог заниматься вредительской деятельностью, какую приписывали следственные органы. Всё просто и ясно.

...После отбытия назначенного срока в лагерях Шкляра переводят на спецпоселение в том же Красноярском крае. И только после освобождения в 1955-м он вернулся к семье в Донбасс, где его восстановили в гражданских правах. Это позволило Тимофею Ивановичу по-человечески трудиться до выхода на пенсию в 1978 году. С того времени со Сталинском его ничто не связывало. Жили в душе только разные воспоминания...

Лагерная жизнь и спецпоселение общей продолжительностью в пятнадцать лет не сломили целеустремлённый дух Тимофея Шкляра. За год до своего освобождения он обращается в государственную комиссию по реабилитации: «У меня осталась последняя надежда, что всё же существует революционная законность, и силы правды победят, и я буду реабилитирован».

Приехал домой Шкляр, как и все остальные граждане, прибывающие из мест заключения, налегке. В руке лишь тощий фанерный чемоданчик. Но зато какой ценный для себя груз привёз он с собой: полтора десятка писем. Жене Елене Петровне было позволено отсылать мужу не более одного письма в год! Все эти письма Шкляр хранил до конца своих дней...

Новая, недобранная в своё время жизнь понесла Шкляра вперёд. Приходилось даже привыкать к своим близким и родным, ведь практически без него выросли, повзрослели и выучились дети. Восстанавливался после разрухи город, работал во всю силу металлургический завод. Шкляр с головой

ушёл в любимую работу. О нём не раз добрые слова писали не только в местной печати, но и рассказывали в союзных журналах «Металлургия» и «Сталь». Иногда робко указывали, что это один из бывших директоров КМК.

Думаю, что Тимофей Иванович сотни, а может быть, и тысячи раз вспоминал о Кузнецке, заводе, которому отдал лучшие годы жизни. Но, как у любого нормального человека, у него могла таиться обида на тех, по чьей вине он оказался в ГУЛАГе. И хуже всего было то, что он не знал конкретных виновников его трагедии. Поэтому Шкляр никогда не проявлял желания поехать в знакомый сибирский край и побывать на своём бывшем предприятии...

В один из дней в Донецк из Сибири приехал сын старого товарища по Сталинску Володя Люленков. Его отец Иван Самсонович когда-то в числе первостроителей металлургического комбината тоже прибыл с Украины и, пройдя уйму различных должностей, дошёл до главного механика предприятия. Иван Люленков был к этому времени Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинской премии. А когда-то Шкляры и Люленковы жили почти соседями на Верхней колонии: Бардин, Франкфурт, Бутенко и Шкляр – на Орлиной улице, а Люленковы – ниже, на Тельбесской. Володя и Анатолий были ровесниками и даже учились вместе в школе № 17 (с двумя глобусами у входа). Володя часто нянчился с маленькой Люсей Шкляр, таскал её на руках... А тут вдруг вместо большеглазого «шклярёнка» увидел редкостную красавицу. И случилось почти чудо: вскоре Людмила сменила свою фамилию на Люленкову...

Жизнь не бывает вечной. В свои семьдесят семь Тимофей Иванович скончался. Его похоронили на Мушкетовском кладбище Донецка. Прожив нелёгкую жизнь, человек не потерял веру в людей и до конца оставался преданным своему делу. Каменное надгробие на могиле Шкляра хранит цифры: «1906–1983». За чёрточкой скрывается долгая, трудная, но счастливая жизнь хорошего человека. За трудовые достижения кроме ордена Ленина Тимофей Шкляр был награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», медалями. В 1978 году ему было присвоено звание «Заслуженный металлург Украинской ССР».

По воспоминаниям знавших его людей в Донбассе, это был человек большой сердечной щедрости. Он обладал огромным житейским опытом и даром технической интуиции, жил не только для себя, но и для людей, заботу о которых всегда ставил превыше всего.

115

Любопытная деталь. В 2000 году после фактического уничтожения Сибгипромеза остатки трудового коллектива проектировщиков в количестве примерно ста человек были переведены на КМК в организованный вскоре «Инжиниринг-центр». Я проработал там шесть лет. И мне ни разу не встретился какой-либо официальный документ с подписями Франкфурта, Бутенко или Шкляра, я ни разу не видел упоминаний и ссылок на этих людей. Встречались разные казённые бумаги и чертежи с подписью Белана, Ермолаева, Жеребина и последующих руководителей комбината, даже встречал подпись самого Бардина. А вот фамилии «государственных преступников и врагов народа» старательностью компетентных органов были в своё время тщательно уничтожены или переведены в разряд секретных.

Я ни в коей мере не хочу бросить тень на замечательного директора Р. В. Белана. Он, ровесник Шкляра, подхватил после него руководство крупнейшим предприятием страны и славно провёл его через труднейшие годы войны и послевоенной разрухи. Но Роман Васильевич в какой-то мере тоже имел резон умалчивать о своих предшественниках. Он слыл чрезвычайно самолюбивым и честолюбивым человеком, не терпел над собой никакой власти. Среди многих рождённых вокруг его фигуры легенд есть и такие, которые близки к правде. Белан, равняясь на своего кумира Сталина, поддерживал личный культ не только в заводском, но и в городском масштабе. Поэтому ему не с руки было вспоминать и ссылаться на предшественников. Он начинал работу на заводе как бы с нуля или, образно говоря, с чистого листа. Всё лучшее – это шло от него, а недостатки тянулись с прошлых лет, от других людей, которым государство вынесло свою оценку, точнее приговор...

Недавно мне удалось побеседовать с Н. В. Степановой – директором Научно-технического музея им. академика И. П. Бардина. Наталья Васильевна посетовала на то, что в музее практически нет никаких материалов о директоре Шкляре. Среди всех комбинатовских директоров имеется только фото Тимофея Шкляра, относящееся к концу тридцатых годов. И всё.

«Так он и проработал всего один год...» – заметила Наталья Васильевна.

Да, директором год. Но ещё почти четыре года в должности главного инженера и начальника цеха – это тоже не последнее место на заводе. Причём в такой крутой, почти переломный период становления предприятия! И всё это сегодня рассыпалось в прах...

Для наглядности приведу пример из параллельного прошлого.

В 1935 году С. М. Франкфурт, который после Кузнецкстроя работал уполномоченным Наркомата тяжёлой промышленности на Южном Урале, написал книгу «Рождение стали и человека», рассказывающую о строительстве гиганта чёрной металлургии, о людях, строивших завод в Кузнецке, лишениях и трудностях, об энтузиазме молодёжи. Книга сразу же стала библиографической редкостью. Но в 1940–1950-х годах она была изъята с полок библиотек и уничтожена. Те, у кого её случайно находили, объявлялись врагами народа. Это чтобы не засорять мусором народную память, память будущих поколений.

Правда, вышло совсем не так. В преддверии 400-летия Новокузнецка сотрудники Муниципальной информационно-библиотечной системы города сумели оцифровать эту книгу. Теперь она доступна всем желающим.

Стоит сказать ещё об одной стороне дела. Сегодня сохранилось мало фотографий нашего героя. Это объясняется следующими обстоятельствами. Практически все фотокарточки со Шкляром были «отсеяны» сразу же после его ареста.

Так, видимо, происходило в каждом случае, когда человек попадал под жернова репрессий. Помню, что в моём детстве я не раз слышал про своего дядю, которого я никогда не видел. Это был брат моей матери Роман Андреевич Горбачёв. Он в конце тридцатых работал простым мотористом в забайкальском леспромхозе. Когда его забрали и вскоре расстреляли, родственники вычистили все заглазки, зная, что за хранение фотографии «врага народа» можно жестоко поплатиться... И только после смерти Сталина, то есть в период реабилитации, дядина жена, тётя Марфа, вытащила из сундука единственную сохранённую фотографию мужа. Потом это размноженное фото появилось в семейных альбомах нашей многочисленной родни.

Период нахождения Шкляра в зоне за колючей проволокой, надо полагать, был отмечен лишь фотокарточками, которые подшивались к личному делу. А после этого Тимофей Иванович старался лишний раз не запечатлеть себя: жизнь для него во многом была в прошлом...

Ещё раз хочется обратить внимание на то, что директорство Шкляра пришлось на суровую и сложную историческую пору. Это, например, как руководство Белана Кузнецким меткомбинатом совпало с периодом Великой Отечественной войны. Специфические задачи, иные условия и законы того и другого времени.

116

Донецк. Т. Шкляр с женой и семьёй сына Анатолия

Однако некоторые исследователи подходят к этим фактам и событиям весьма однобоко, порой вольно или предвзято. Так, на «Литературном сайте» М. Кушниковой и В. Тогулева можно найти много интересного из жизни руководителей Сталинска конца тридцатых. Никак не оспариваю приведённые факты той исторической поры. К сожалению, интерпретация этих фактов вызывает много вопросов и возражений. Авторы, претендуя на объективность, часто осуждают героев далёкого прошлого за их недальновидность, человеческие слабости, подыгрывание маховику репрессий, проявленную трусость и боязнь за собственную шкуру...

Мы, потомки тех поколений, должны уважать людей, переживших массовые репрессии, не только за их личные страдания. Надо уметь видеть главное – то, как они своим умом и руками создали и оставили нам большой ресурсный (не только материальный, но в большей мере человеческий) потенциал, великое общественное богатство, что в конечном счёте сохранило нашу великую Родину.

Данная статья не претендует на абсолютную объективность. Материалы собирались с трудом. Порой просто склеивались из малозначащих фактов. Я много лет проработал с Людмилой Люленковой, дочерью Шкляра. Знаю, что она иногда делилась воспоминаниями об отце с коллегами и близкими подругами. Какие-то рассеянные факты остались до сих пор на слуху. Но, полагаю, никто тогда не представлял, что её отец – это бывший казёмковский директор. Сегодня рассыпанную мозаику приходится восстанавливать, склеивать разрозненные картинки воедино... А где-то в чьей-то памяти и, возможно, случайных записях и фотографических альбомах таятся отдельные факты, связанные с трудовой деятельностью бывшего руководителя комбината.

На всякий случай для местных историков, краеведов, музейщиков и (не в последнюю очередь) для нынешнего руководства ЕВРАЗ ЗСМК сообщаю, что до сих пор в Донецке проживает сын Шкляра – Анатолий Тимофеевич (ему в мае 2019 г. исполнилось 90!), а в Новокузнецке живут его близкие родные: внучка по дочери Ольга Владимировна Матехина, доцент кафедры архитектуры СибГУ, и зять Владимир Иванович Люленков – известный в городе университетский профессор, кандидат технических наук, турист, фотограф и фалерист. К сожалению, дочери Людмилы не стало в феврале 2018 года. Ещё жив и работает металлургом-сталеплавильщиком (видимо, передалось от деда) внук Юрий Анатольевич Шкляр. Живёт непросто. Квартира и семья находятся в Донецке, на территории ДНР, а работать приходится на Украине...

Пока есть время и возможность собрать для истории разбросанные факты из личной жизни и трудовой деятельности одного из первых директоров Кузнецкого металлургического комбината.

Было бы только искреннее желание.

г. Новокузнецк

